

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Два предложения

Общезвестно: нужно выслушать требования к молодым писателям, не подгонять их искусственно, а приучать работать. В литературу на помощь не войдешь. Вместе с тем нельзя пренебрегать в зрелого литератора, будучи по преимуществу автором рукописей. Между тем в практике нашей литературной жизни бывает, что встретив напечатанное с распростертыми объятиями, его затем публикуют мало и редко. Многие литераторы старшего поколения настойчиво рекомендуют молодым прозаикам начинать с рассказов, а не с повестей или романов. Правильность этого совета очевидна, но она предполагает очень внимательное отношение к рассказу со стороны руководителей журналов, издателей. Это есть тем же самым литератором старшего поколения. Но тут же обнаруживается странное противоречие: советчики, сами рассказы в журналы подают редко. Без особого энтузиазма относятся к сборникам рассказов и в издательстве «Молодая гвардия».

Нельзя не заметить, что в сегодняшней литературе рассказ занимает несравненно более срочное положение, чем в литературе начала нашего века или, скажем, в литературе периода Великой Отечественной войны. В нашей печати выказывалась потребность в выходящем журнале «30 дней», печатающем только рассказы. Присоединяясь к этому пожеланию, я хотел бы внести еще одно предложение: для развития жанра рассказа, а следовательно, и для более успешного воспитания молодых писателей было бы целесообразно наладить выпуск маленьких дешеских книжек рассказов, примерно таких, какие выпускает сейчас редакция «Огонька», но обязательное с правом издавать вещи, ранее не публиковавшиеся.

И. ЗАБЕЛИН

МОСКВА

Помеьше парадности

Чего мы ждем от совещания? Ответим прямо: помеьше парадности, оптимистической статистики, утешительных обещаний и побольше делового разговора о насущных нуждах молодых литераторов. У начинающих обычно много дерзаний, замислов, энтузиазма. Одно пока мало — профессионального мастерства.

Молодые авторы Москвы и других крупных культурных центров страны находятся в более выгодных условиях. Они имеют возможность участвовать в работе «созидательных» литературных объединений при журналах, встречаться с видными мастерами стиха и прозы. Но литературная молодежь на периферии оказывается в затруднительном положении. У кого получить квалифицированную консультацию? Кому дать почет рукописей? Кому ожидать совета, помощи?

Многие периферийные литературные объединения не имеют опытных руководителей, слабо связаны с литературным активом. А писатели, столпившиеся в одну или в другую сторону, не любят высказываться в отдаленных городах, тем более в районах, в селах. Совещание продлится всего несколько дней. А дальше? Нужна непрерывная теоретическая учеба, а книги по вопросам теории литературы и литературной техники появляются редко, мало и статей на эти темы в «толстых» журналах, в «Литературной газете». Необходим постоянный журнал типа «Литературной учебы». Речь о нем шла еще на Втором всесоюзном съезде писателей.

Г. КРАСИЛЬНИКОВ (Владимир)

В. ТИТАРЕНКО (Чернигов)

В гущу жизни

Мы ждем от совещания живого обсуждения литературных проблем. Это, на мой взгляд, даст его участникам так же много, как и квалифицированный анализ их собственных произведений. Но на каком бы высоком уровне прошло совещание, его одного, как средства помощи молодому писателю, конечно, мало. Важно, чтобы творческая помощь не прекращалась и после того, как делегаты разъедутся. Было бы хорошо, если бы каждый из нас имел возможность поддерживать постоянную связь с опытным литератором.

Для писателя важно все время быть в гуще жизни, пополнять свои наблюдения, впечатления. Подчас немудрено разоблачиться в сложных взаимоотношениях людей, работающих на производстве (особенно это относится к произведениям о рабочем классе), объясняется недостатком жизненного опыта и влечет за собой творческую неудачу даже у опытного писателя. А что же говорить о литературной молодежи!

Участники совещания — это люди в возрасте 23—40 лет. Не у каждого из них богата собственная биография. Многие студенты Литературного института, например, на протяжении пяти лет мало прикасаемся с тем материалом, который является основой нашего творчества. Комиссия Союза писателей по работе с молодыми авторами лишь наредка предоставляет нам командировки сроком не более месяца. Эту практику надо улучшить: хорошо бы создалось с тематической направленностью и в присутствии студентов посылать их из один и те же заводы, в один и те же колхозы сгонять, и не на месяц, а на два. Студенты будут видеть различные жизни, изменения, происшествие в ней, лучше узнают людей.

г. Калинин В. КРЮКОВ

50-летие писателя А. Венцова

Общественность Литвы широко отметила 50-летие со дня рождения видного литовского писателя, председателя правления республиканского Союза писателей Атанаса Венцова. В помеинении консерватории состоялся юбилейный вечер. С докладом о творчестве и общественной деятельности А. Венцова выступил поэт Э. Межелайтис.

Юбиляра приветствовали представители творческих и общественных организаций, работники культуры и искусства. Получены многочисленные телеграммы — от правления Союза писателей СССР, писательских организаций братских республик, нию, что пуск этой грандиозной установки приведет к дальнейшему прогрессу в разработке проблемы ядерных частиц.

В 1955 году самой крупной научной новостью явилось открытие антипротонов, которые были обнаружены в Беркли (Калифорния) на ускорителе, дающем протоны с энергией до шести миллиардов электрон-вольт. В связи с этим открытием возник ряд важных проблем, над которыми мы с братом, академиком А. Алиханяном, и нашими сотрудниками предполагаем работать и провести ряд исследований в космических лучах как в наступившем году, так и в дальнейшем.

В решении узловых вопросов проблемы ядерных частиц особую важную роль будут играть исследования космических лучей. В них обнаружены частицы с совершенно фантастическими энергиями, которые еще не скоро можно будет получить искусственным путем. В ближайшие годы усилия физиков, занимающихся космическими лучами, будут направлены на исследование процессов, разыгрывающихся при столкновении протонов с энергиями до ста миллиардов электрон-вольт с атомными ядрами.

Советские ученые, исследуя важнейшие проблемы физики ядра и ядерных частиц, сделали немалый вклад в дело использования атомной энергии для мирных целей. В ближайшие годы они не только умножат этот вклад, но, надо надеяться, найдут новые пути применения атомной энергии в различных областях науки, техники и повседневной жизни.

А. АЛИХАНИЯ, член-корреспондент Академии наук СССР

№ 4 (3505)

Вторник, 10 января 1956 г.

Цена 40 коп.

Молодые силы литературной критики

С каждым годом наша многонациональная литература пополняется новыми именами прозаиков, поэтов, драматургов. Растет молодая смена и в литературной критике. Во многих наших республиках, краях и областях несколько лет назад молодых критиков было очень мало, каково-либо оптимистическое влияние на литературную жизнь они не оказывали. Сейчас положение изменилось к лучшему. Молодые критики активно работают в Москве и Ленинграде, на Украине и в Белоруссии, в Армении и Башкирии, в Средней Азии и Сибири. Все громче звучит их голос, все весомей их вклад в общую работу.

Критика — одна из важнейших областей литературы. Коммунистическая партия всегда подчеркивала большую роль литературной критики в развитии литературы, ее роль как серьезного оружия пропаганды и коммунистического воспитания. В обращении ко Второму всесоюзному съезду писателей Центральный Комитет партии еще раз призвал советских литераторов быть на высоте задач социалистического реализма. А это означает — обладать глубокими знаниями подлинной жизни людей, их чувств и мыслей, проявить проникновенную чуткость к их переживаниям и умение изобразить это в убедительно-художественной форме, достойной действительных образцов реалистической литературы. — и все это дать с должным пониманием великой борьбы рабочего класса и всего советского народа за дальнейшее укрепление созданного в нашей стране социалистического общества, за победу коммунизма.

Эти слова в полной мере относятся и к критикам и к литературоведам. С высоты этих требований литературная критика — глашатай общественного мнения в искусстве — должна бороться за идейную глубину и художественное мастерство нашей литературы. Нельзя, однако, не видеть, что современная критика все еще не отвечает этим требованиям. Об отставании литературной критики немало говорилось на Втором съезде писателей применительно ко всей критике; можно сказать это и по отношению к ее молодой смене.

За последнее время появилось немало новых имен, опубликовано немало отмеченных печатью талантов, запомнившихся статей молодых критиков. С интересом читаются, например, рецензии ленинградцев А. Эльшишвица и Г. Владимировича; положительной оценки заслуживает работа молодого белорусского критика В. Жиженко, грузина Г. Маргвелашвили, М. Котова из Саратова, армянского критика С. Атабджаняна, украинцев М. Острика, П. Лыска, В. Попа, ярославского критика В. Рымашевского, который — это все еще редкое явление! — смог издать уже небольшую книжку своих статей. Несколько книг написали украинские критики.

Но как ни отчаянно отмечать успехи, нельзя не заметить, что общий уровень работы молодых литературных критиков еще невысокий. В статьях и рецензиях молодых критиков весьма редко встречаются самостоятельные суждения о жизни, сравнение того, что прочитано, что рецензируется, с тем, что самим критиком увиденно, пережито, продумано, идейно осознано. Критик часто судит о жизни «по книге», в то время как его задача заключается, наоборот, в том, чтобы жизнью, ее закономерностями поверять литературу, бороться за ее правдивость, коммунистическую идейность.

Большинству молодых критиков не хватает широты идейного кругозора, глубины знания действительности. Конечно, не вдруг накапливается у человека жизненный и профессиональный опыт. Но молодость не исключает, а, наоборот, предполагает требовательность к себе: нет опыта — учись, думай, на живых делах и примерах вырабатывай четкость мировоззрения, широту кругозора. Молодому советскому критику даны для этого все возможности.

У нас часто вспоминают о традициях великих критиков — революционных демократов, чьи статьи о литературе представляли собой глубокие «по мысли, яркое, взволнованное исследование общественной жизни, проникновенное раскрытие челове-

ческих взаимоотношений. Но эти качества великие критики выработывали с юности. Полезно вспомнить, что автором «Литературных мечтаний» был двадцатилетний Белинский, а Добролюбов в том же возрасте написал «Что такое обломовщина?».

Критиком может быть не всякий, это призвание человека, так же как и призвание быть писателем. Но свои способности молодой критик сможет развивать, лишь если он будет теоретически вооружен. Напрямое самообразование, постоянное внимание к жизни, стремление изучить, осмыслить ее закономерности и на этой жизненной основе сформировать, укрепить четкое воистинное партийное мировоззрение, — вот что прежде всего нужно молодому литератору, молодому критику. Тогда появятся — органически — смецель и принципиальная острота, основанные не просто на «молодом задоре», а на действительном знании, глубокой убежденности в своей правоте, в общественной полезности того, что ты отстаиваешь, и вредности того, против чего выступаешь. Тогда статьи молодого критика будут по-настоящему действительны и его работа станет необходимой и важной частью общих усилий нашей литературы, усилий, направленных на выполнение высоких задач, которые поставила перед художниками слова партия.

В журналах и газетах за текущий год есть статьи, в которых солидные литературоведческие знания сочетаются с тончайшим художественным анализом. Содержательную статью на важную для многонациональной советской поэзии тему написал Г. Асатиани («Юрки Малковские и молодое поколение грузинских поэтов», журнал «Мяготиби»); заметна работа казахского критика и литературоведа Т. Ахтанова; интересно выступают В. Турбин и В. Суглак (Москва), А. Азамович (Нижне-Волжье), Г. Циципович (Тбилиси) и др.

Но сколько примеров противоположных! Сколько еще появляется у нас статей так называемых «огонечных», «спрокожных». Сколько существует статей, где читателю преподносится пересказ вместо анализа, общие слова вместо живой мысли, безапелляционные оценки вместо убедительных доказательств, статей, в которых критик не в силах серьезно поставить какой-либо вопрос теории или художественного мастерства. Унылая пересказность, «рецензионная» бескрылость серьезно сплывают весомость и полезность критическому выступлению.

Много, охотно и по разным поводам пишет молодой азербайджанский критик М. Велиев. Но статьи его часто бывают поверхностными, бездоказательными. Сначала обычно даются пространные «общие» рассуждения о значении литературы, литературного мастерства, затем подробно пересказывается содержание произведений. Пересказ разбавляется авторскими комментариями по нехитрому принципу: «это мне нравится, а это — нет». То и дело мелькают выражения: «характерные жизненные явления», «жизненная правда», то и дело говорит критик о том, как важно в литературе мастерство, но все это у М. Велиева привычные шаблонные выражения, лишние знания жизни, о которой идет речь в произведениях, рецензируемых критиком, из следов настоящей работы в статьях самого М. Велиева не чувствуется.

Перед Всесоюзным совещанием молодых литераторов следует серьезно поговорить и о том, как писательские организации, писательская печать занимаются творчеством молодых критиков, как они воспитывают, учат их.

Безусловно, положительный опыт работы с молодыми критиками у нас есть. Систематически привлекают молодежь журналы «Звезда», «Театр», «Нева», украинские литературные журналы. Немало сделали для выявления литературной критики для воспитания молодых Союз писателей Карело-Финской ССР, редакции карело-финских литературных журналов «Шуналиппу» и «На рубеже».

Оказалось, что пи-мезоны играют фундаментальную роль в тех силах, которые соединяют протоны и нейтроны в весьма устойчивую систему — ядро атома, то есть служат как бы цементом, связывающим протоны и нейтроны в ядро.

Хотя советская наука достигла несомненных успехов в выделении и использовании атомной энергии, послуживших фундаментом для отечественной атомной промышленности, однако строение и свойства ядерных частиц (нейтронов и протонов) до сих пор известны недостаточно хорошо. Между тем их свойства являются важнейшими для физики завтрашнего дня. Понятно, что наши ученые и в ближайшей работе будут заниматься этой проблемой. Ее решение тесно связано со свойствами новых частиц, поэтому усилия советских физиков будут направлены также на тщательное изучение природы и этих недавно открытых частиц.

Гиперон — частица более тяжелая, чем протон или нейтрон. Массы протона и нейтрона примерно в 1800 раз превышают массу электрона (принято за единицу), а масса гиперона — в 2200 раз. При этом гиперон неустойчив. Без всяких внешних воздействий или превращаются в нейтроны или протоны, образуя, кроме того, пи-мезоны.

К числу интересных особенностей ядерных частиц относится сравнительно большая продолжительность их жизни. Большая, конечно, с точки зрения мира атомов! Несколько лет назад наши наблюдения на горе Алагей, в Армении, где мы исследовали состав частиц космического излучения, показали высказывать утверждение, что су-

ществуют частицы с массой около 1000 масс электрона, которые обладают значительной устойчивостью: они живут около одной стомиллионной доли секунды. Столь большая продолжительность их жизни казалась невероятной — она не укладывалась в рамки физической теории. Многие ученые считали, что таких частиц нет и быть не может. Теперь установлено, они-то и называются К-частицами. Большая продолжительность жизни новых частиц настолько удивительна, что их часто называют странными частицами.

Очень полезным для советских физиков было обсуждение проблемы новых частиц с профессором Бристольского университета С. Пуаулоном, крупнейшим специалистом в этой области, который в октябре 1955 года посетил Москву. Полезным был, в частности, дискуссионный вопрос о частицах с массой около 500 масс электрона, на существование которых указывают наши наблюдения на горе Алагей. При обсуждении были наметены новые опыты, которые помогут решить этот вопрос окончательно.

Дальнейшие успехи в познании вещества тесно связаны с развитием точной методики наблюдения отдельных частиц, движущихся со скоростями, близкими к скорости света. Эти успехи, в частности, зависят от возможности создавать искусственно, в лабораториях, пучки атомных частиц (протонов), ускоренные до огромных энергий. В скором времени советские физики получат возможность работать на крупнейшем в мире ускорителе, где протоны будут «рагоняться» до энергии в десять миллиардов электрон-вольт. Не подлежит сомне-

нию, что пуск этой грандиозной установки приведет к дальнейшему прогрессу в разработке проблемы ядерных частиц.

В 1955 году самой крупной научной новостью явилось открытие антипротонов, которые были обнаружены в Беркли (Калифорния) на ускорителе, дающем протоны с энергией до шести миллиардов электрон-вольт. В связи с этим открытием возник ряд важных проблем, над которыми мы с братом, академиком А. Алиханяном, и нашими сотрудниками предполагаем работать и провести ряд исследований в космических лучах как в наступившем году, так и в дальнейшем.

В решении узловых вопросов проблемы ядерных частиц особую важную роль будут играть исследования космических лучей. В них обнаружены частицы с совершенно фантастическими энергиями, которые еще не скоро можно будет получить искусственным путем. В ближайшие годы усилия физиков, занимающихся космическими лучами, будут направлены на исследование процессов, разыгрывающихся при столкновении протонов с энергиями до ста миллиардов электрон-вольт с атомными ядрами.

Советские ученые, исследуя важнейшие проблемы физики ядра и ядерных частиц, сделали немалый вклад в дело использования атомной энергии для мирных целей. В ближайшие годы они не только умножат этот вклад, но, надо надеяться, найдут новые пути применения атомной энергии в различных областях науки, техники и повседневной жизни.

А. АЛИХАНИЯ, член-корреспондент Академии наук СССР

Совет нашей смене

Дорогие друзья! Вместе с приветом и добрыми пожеланиями здоровья и творческих успехов, которые от всей души посылаю участникам Всесоюзного совещания молодых писателей, хочется сказать несколько слов о писательском мастерстве.

Мне хотелось бы, чтобы вы, когда садитесь за новые поэмы, романы, повести, рассказы или пьесы, воодушевленные значительностью избранной вами темы и ответственностью перед читателем, непременно испытывали бы огромное волнение за сюжет произведения, за его стройность. Нет интересного сюжета — нет произведения! Я нарочно огрубляю, но в конечном счете это так, а не иначе.

Идея художественного произведения, сколь благородной она ни была бы, — это еще не все. Прекрасная форма должна составлять предмет непрерывных забот настоящего художника. Нет стройной формы — нет художественного произведения! Еще хотелось бы обратить ваше внимание на язык произведения. Язык — ваше оружие. Чем лучше вы его

будете знать, — до самых тонкостей, — тем ярче будет произведение.

Как видите, я сообщил вам общезвестные, прописные истины.

Зачем я это делаю?

Для того, чтобы вы руководствовались ими не только в дискуссиях, но, главным образом, за письменным столом, когда остаетесь наедине со своими мыслями и создаете новое произведение.

И еще одно пожелание. Хотелось бы, чтобы каждый из вас стремился стать большим деятелем литературы. Я не призываю вас к зазнайству. Нет. Без высокой цели нельзя по-настоящему существовать в литературе, а быть большим деятелем литературы — вместе с тем значит быть с народом, всегда с ним, неразрывно. Эта замечательная цель предполагает наличие огромного трудолюбия. Это тоже истина известная. И я очень прошу помнить о ней именно за письменным столом.

Смеюте, молодые друзья, в большую литературу! Счастливого пути!

Дмитрий ГУЛИА, народный поэт Абхазии

Учитесь у народа

Огромные возможности предоставлены в Советской стране каждому молодому литератору. Несомненно, что и третье Всесоюзное совещание в Москве окажет молодым талантам большую помощь в их дальнейшем росте и совершенствовании.

Хочется от души пожелать нашим молодым друзьям: трудитесь в дни совещания так, чтобы извлечь из творческих встреч и обсуждений наибольшую пользу. Внимательно прислушивайтесь к советам, отбирайте существ-

енное для себя, привыкайте принимать правдивые, хотя и острые советы.

А главное — неустанно работайте и учитесь, учитесь всегда и везде. Учитесь у жизни, у народа. Учитесь у своих друзей, у старших товарищей, а больше всего — у великих художников жизненной правды, которые всегда с нами, — у Пушкина, Некрасова, Толстого, Чехова, Горького, Маяковского... Нанлучшие пожелания вам, товарищи!

Петр БРОВКА

В шестой пятилетке

БЕСЕДЫ С УЧЕНЫМИ

Изучение Антарктиды

В работах геолого-географического отделения Академии наук СССР в 1956 году и в последующие годы видное место будут занимать исследовательские работы в Антарктике. Как известно, в первых числах января советские ученые высадились на берег шестого континента с дизельного парохода «Обь» — флагманского корабля советской антарктической экспедиции.

Исследования будут носить комплексный характер. Основой этих работ послужат аэро-фотометрические съемки антарктического квадранта Антарктиды. Большое внимание при этом будет уделено закономерностям образования и движения ледяного покрова. Предстоит провести специальные сейсмо-акустические исследования, чтобы определить мощность ледяного покрова и глубину залегания коренных горных пород. Одновременно с помощью самолетов геофизическими методами будут вестись поиски полезных ископаемых.

Геологам предстоит осветить далекую историю материка, который, по существующим предположениям, был когда-то связан с Австралией, Новой Зеландией, Южной Америкой, а возможно, и с Африкой. Методом глубоких промеров ученые проследят существующие подводные связи Антарктиды с близлежащими материками, в частности с Австралией и Африкой.

Другая важная проблема сводится к установлению количества леднико-

вых эпох на шестом континенте. Большое место будет уделено изучению геодинамических элементов, в первую очередь явлений магнетизма, что имеет большое практическое значение, например, для авиации и кораблестроения. Широко будут изучаться морские течения, распределение солености и плотности воды, с которыми связаны сезонные перемещения планктона, то есть того органического вещества, которым питаются рыбы, киты и тюлени.

Особенно большое внимание будет обращено на изучение климата Антарктики и Антарктиды как в приземном слое, так и на больших высотах путем систематического зондирования высоких слоев атмосферы. Эти работы обеспечат понимание геофизических процессов, которые развиваются в пределах всего земного шара.

Среди других вопросов, которые находятся в центре внимания геолого-географического отделения академии, надо особенно выделить проблему закономерности размещения на территории СССР месторождений полезных ископаемых. Эта проблема — комплексная. Над нею работают геологи различных специальностей. В ее основу будет положена так называемая тектоническая карта, которая составляется под руководством академика Н. Шатского. Карта, наряду с изображением элементов земной коры, будет заполнена данными о распространении вулканических пород, с которыми связаны

многие рудные месторождения. Кроме того, будут изучаться закономерности образования и распространения рудных месторождений осадочного происхождения.

Еще одна крупная проблема решается нашими институтами. Она состоит в изучении природных процессов, совершающихся на больших территориях Советского Союза. Например, будут изучаться закономерности образования снежного покрова, проводится борьба с так называемой эрозией почв и т. д.

Большой цикл работ связан с изучением и возможностью максимального освоения пустынных областей, а также северных широт, где, в противовес пустыням, приходится бороться с избытком влаги. Серьезное внимание будет уделено изучению зон распространения вечной мерзлоты.

Академик Д. ШЕРБАКОВ

В мире атома

Картина мира веками покоилась на представлении о неделимости атома. Еще на пороге двадцатого столетия, как известно, считался пределом возможного дробления вещества, неизменной, элементарной частицей материи.

Открытие электронов и протонов, доказательство сложности строения атомов вызвали невиданный переворот в науке, потребовали пересмотра

Н А Ш И ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ

Я сейчас похож на кинозрителя, перед глазами на самом интересном месте оборвался кинолентой.

В самом деле: что же будет дальше? Герой моего нового романа молодой джигит Нияз, после многих бессонных ночей и мучений получил, наконец, долгожданную телеграмму от своей горячо любимой Шаура, летит в Уфу. Но, оказывается, она не могла дожидаться его и уехала.

В новом, 1956 году я должен постараться помочь этим подрастающим молодым людям найти и понять друг друга. Когда эти дорогие мне образы окончательно определят свой характер и свое литературное «я», тогда и закончу роман.

Г. БАШИРОВ
КАЗАНЬ

В начале года надеюсь закончить спортивную повесть «Хрустальный кубок». Кроме того, закончу переработку романа «Вратарь республики». Думаю выпустить большую спортивную книгу, куда войдут роман, спортивная повесть и несколько рассказов.

Буду работать над книгой рассказов о моржах дальнего плавания.

Лев КАСИЛЬ

Закончил роман «Хуторок в степи». Это второй роман давно задуманной серии, из которой читатель знаком «Балет парус одинокий» и «За власть Советов».

«Мир хижинам» — так называется последний роман этой серии, к работе над которым я сейчас приступил.

В театре имени Ленского поставлена моя комедия «Случай с гением» («Понедельник»). На студии имени Горького идут съемки моей кинокомедии «Безумный день».

Валентин КАТАЕВ

В прошлой новогодней анкете я сообщил, что приступаю к работе над романом в стихах «Знамя и Адыба». Сейчас это большое поэтическое произведение в основном завершено, и в новом году я передам его для обсуждения в Союз писателей. В 1956 году буду продолжать работу над циклом стихов о Великой Октябрьской социалистической революции в Средней Азии.

Предполагаю много поработать и для юных читателей — хочу написать книгу рассказов для детей дошкольного возраста.

МИРМУХСИН
ТАШКЕНТ

После издания «Гангутцев» отдельной книгой я занимался журналистским трудом, который очень люблю: очерками о войне и подготовке к ней, работой над новым романом о советских морях. Надеюсь в основном завершить его в 1956 году. Написал сценарий фильма о матросах Балтики и рабочих Кронштадта; впереди — обычные для кинематографического произведения драматические произведения.

Владимир РУДНЫЙ

В 1956 году буду делать то же, что и в 1955 году, — продолжать работу над новым романом. Он посвящен людям и событиям 1917 года на Украине, в частности в Киеве.

Работу эту я начал давно, отнесся она к циклу моих книг об Октябрьской революции и гражданской войне. Мне очень

Отечественной войны. Напишу серию очерков о людях электростанций завода.

Алексей ТАЛЫР
ЧЕВОКСАРЫ

Только что окончил и сдал в «Новый мир» повесть о жизни одного района; события повести разворачиваются в последние годы.

Новый год думаю посвятить рассказам и очеркам.

В. ТЕНДРЯКОВ

В кампусе 1956 года я закончил трагедию «Мен и звезды». В новом году постараюсь закончить пьесу о молодых рабочих «У истоков любви» и комедию «С черного хода».

Ю. ЧЕПУРИН

Гостиный в Советском Союзе известный индийский писатель Кришан Чандр посетил столицу Узбекистана. Он встретился с узбекскими поэтами, прозаиками, драматургами, критиками. Кришан Чандр рассказал о достижениях науки и культуры в Индии, о деятельности прогрессивных индийских писателей. На снимке: Кришан Чандр (в центре), среди узбекских литераторов. Фото В. Масура

КЛАССНЫЙ ВОСПИТАТЕЛЬ

Н. ДОЛИНИНА,
учительница 189-й школы Ленинграда

А в коридоре тем временем сидят три мамы и ждут, когда воспитатель сможет поговорить с ними.

И это еще не самое главное. Главное то, что у каждого из ребят есть что-то свое: радости и огорчения, страдания первой любви, неразрешимые споры и жесточайшие конфликты.

Воспитатель должен не только знать обо всем, что происходит в классе, но и всегда быть готовым помочь, объяснить, занять время ребят интересными и важными делами.

А выходит так: возвращаясь из школы много позже, чем следовало, воспитатель спохватывается: тетради сегодня уже не проверишь, а в общем-то путного ничего и не сделано.

И постепенно возникает убеждение: всего сделать нельзя. Значит, надо делать то, что могут проверить. Ничего не ускользнет, поможет ли воспитатель мальчику, засыпавшему на уроке из-за того, что всю ночь он сидел с большой матерью. Но любой инспектор заметит, что в журнале не заполнена какая-то страничка, не вывешен список дежурств или не хватает свидетельства о рождении в одном из личных дел. Так возникает самое страшное, что может быть в любой работе, а особенно в работе с детьми, — формализм.

Как же выйти из этого положения? Может быть, нужно совсем уничтожить всякую отчетность? Ни в коем случае. Каждому ясно, что некоторая «бухгалтерия» нужна, и она, кстати сказать, сейчас сильно сокращена Министерством просвещения РСФСР.

Но нужно дать воспитателю возможность заниматься прежде всего своим живым, настоящим делом. И ему надо помочь в этом, заинтересовать, создать необходимые условия.

13 октября в «Правде» была напечатана статья министра просвещения РСФСР тов. Канрова. Это очень хорошая и справедливая статья. Тов. Канров писал, в частности, что «школе представлено право исключать хулиганствующих и не поддающихся исправлению учащихся». Но «суданы народного образования в ряде случаев без всяких к тому оснований отменяют постановления педагогического совета или переводят исключенных в другие школы».

На мой взгляд, объясняется это тем, что дело опять-таки упирается в формальный критерий — оценки воспитательской работы. И только тогда эта работа пойдет по-настоящему, когда воспитатель будет полным хозяином в классе. Могут возникнуть случаи, когда воспитатель будет полнее исключать подряд всех «трудных» ребят.

По моему глубокому убеждению, если работа классных воспитателей будет поставлена правильно, то не нужно будет ничего исключать; переведутся «запущенные», «неисправимые» дети, работа с каждым будет вестись во-время. Права нужны воспитателю прежде всего для того, чтобы о них знали ребята, чтобы они не потеряли ощущение безнаказанности. Если же найдутся среди учителей какие-то единицы, злоупотребляющие своей властью, то существуют все педагогические советы, органы народного образования. Они проверяют решения воспитателей, внимательно и объективно рассматривают вопрос и вынесут окончательный «приговор». Но в высшей мере неформальный, а по-настоящему, руководствуясь интересами ребенка.

Вот тогда-то и работу воспитателя можно будет оценивать по ее сути, а не по форме.

дети секций вполне могут пообщаться с каждым писателем, узнать, что волнует, интересует его, какая помощь нужна ему в творческой работе. Все это и должно лечь в основу деятельности секций. Но за прошлый год лишь в одной секции прозы, и то только один раз, обсуждался на общем собрании план работы на три месяца. А в других секциях и этого нет. Видимо, руководители секций не понимают, что тем самым они грубо нарушают принципы демократизма, глушат активность литераторов.

Такой стиль работы, конечно, не способствует активизации писателей. Среди литераторов постепенно укреплялось безразличие к делам секций. Они привыкли к тому, что руководители секций ведут всю работу единолично, не советуясь с писательским активом. А ведь секция — это продолжение творческой лаборатории писателя. Именно сюда литератор должен идти, чтобы поделиться своим сомнениями, замислами, поспорить, обсудить новое произведение. Здесь в совместных делах и спорках должен сплачиваться коллектив литераторов.

Правда, правление союза иногда неплохо организует обсуждения отдельных произведений. Недавно обсуждался два номера альманаха молодых писателей «Усу юль». Правление провело солидную подготовительную работу, и это сказалось на самом деле обсуждения. Писатели говорили конкретно и со знанием дела, вносили интересные предложения.

Но нужно сказать, что правление не часто выносит на обсуждение большие, волнующие всю писательскую общественность литературные проблемы и, главное, далеко не всегда умеет связывать эти проблемы с конкретными задачами татарской советской литературы и с творческими интересами каждого писателя. За примерами ходить недалеко. Недавно состоялось расширенное заседание правления с обсуждением итогов всесоюзного совещания литераторов, пишущих о жизни колхозной деревни. На заседании выступили участники совещания председатель правления союза Г. Баширов. Своими впечатлениями о совещании поделился и С. Баттал. Оба выступления носили крайне общий характер,

Великие ценности

Но не испытывал гордой радости, видя древние росписи Спас на Нередице, фрески Софийского собора, задымленные стены церкви и монастырей древнего Новгорода?

Новгородские храбрцы навски прославили силу русского оружия, а древние узоры этого города и по сей день восхищают нас и тожностью черт и смелым рисунком резбов — уменьем и выдумкой мастерового человека.

Мы несказанно благодарны тем советским ученым, мастерам, рабочим, кто сохранил для нас этот город-музей, его красоту, кто уже после окончания Великой Отечественной войны поднял из пепла и руин городские нашему сердцу памятники.

Часами можно ходить по Новгороду и не насытно глядеть, глядеть на митрополию, баню Дегина, на Ефимьевскую часовню, на Георгиевский и Антоньевский соборы, построенные более восьми столетий тому назад и сейчас восстановленные.

К счастью для нас, работники Новгородского музея сумели спасти, уезвти в самом начале войны богатства музея. И вы теперь можете увидеть здесь ценнейшие произведения древнерусской живописи: «Николау» XII века, «Восхождение» XIV века, «Осаду Новгорода судальными» XV века; коллекция древнерусского шитья, оловянных изделий, переличатных скульптур, фрагменты фресковой росписи и мозаичные плиты XI столетия.

Здесь хранится самая древняя пергаментная грамота (1127 г.), данная князем Мстиславом, сыном Владимира Мономаха, Юрьеву монастырю, и один из древнейших русских документов — вавешине Варлаама Хутынского (конец XII в.).

Но не для одних восторгов пишутся эти строки.

Знакомство с городом-музеем, увлечением и озорными размышлениями. Ясно видеть: так хорошо начало дело восстановления в последние годы стало идти вперед, в какой-то своей чести пошло в руки равнодушных людей.

Из-за отсутствия помеще-

Д.М. ЕРЕМИН

Дальний Восток... Повалилось бесжизненное, теплое Приморье. Оттуда мой путь лежит в город, носящий имя одного из славных русских землепроходцев — Буря Хабарова.

Здесь, в старинном здании краевой научной библиотеки, открылась книжно-иллюстраторная выставка, посвященная Дальнему Востоку.

Выставочный зал щедро заполнен экспонатами. На стенах — картины дальневосточных художников.

Книги — главное, что представлено на этой оригинальной выставке. Здесь их много: и старых, в потертых кожаных переплетах, и новых, еще пахнущих клеєм и краской.

Центральную часть зала занимает огромная карта-диаграмма. На ней — маленькие модели книг: синие, зеленые, красные, фиолетовые, цвета охры... Это романы, повести, рассказы и очерки писателей, имена которых так или иначе связаны с Дальним Востоком. Больше всего моделей синего цвета, которыми отмечены книги о сегодняшнем, послевоенном

ниль свыше 70 процентов музыкальных вещей находится не на экспозиции, а в тесных, сырых хранилищах.

Древнерусские ткани, одежды, плотно уложенные друг на друга в сундуки, ветшают. Произведения древнерусской живописи и часть картин известных русских художников хранятся на сырых и холодных хорах Софийского собора, — картины трескаются, осыпаются.

Еще в 1948 году было принято решение о передаче Новгородскому музею и областной библиотеке — для восстановления и дальнейшего размещения — здания бывших присутственных мест в кремле.

Строительные работы по восстановлению этого разрушенного войной здания начались. Но подрядная организация — трест «Новгородстрой» — с самого начала отнеслась безответственно к этому делу большой государственной важности.

Средства, из года в год не «осваивались», а в прошлом году Министерство культуры РСФСР и вовсе не выделило их на продолжение строительства. Да и областные новгородские организации, видно, смирились с существующим положением, теперь и сами считают это строительство третьестепенным по важности. Вот и восстанавливают здание музея...

Перед войной у всех музейных сотрудников Новгорода и его окрестностей был один хозяин — управление новгородских музеев. Оно ведало пятью музеями и сотней историко-революционных, археологических, архитектурных памятников, проводило их ремонт, охраняло их. При такой централизации музейного дела порядок был бы лучше.

Сейчас охраной и реставрацией памятников в Новгороде занимается и отдел архитектуры при облисполкоме, и реставрационная мастерская, и инспекция по охране памятников при областном управлении культуры.

До войны в Новгороде успешно работала секция Института истории Академии наук СССР, опубликовывавшая ряд интересных исследований.

В послевоенные годы предполагалось восстановить нов-

городскую секцию. Новгородские научные работники вместе с учеными Москвы, Ленинграда начали готовить «Новгородский исторический сборник», составили подробную археологическую карту Новгородской области... Но начинания эти, лишённые действительной поддержки, зачехлились.

Что «Исторический сборник»? Вы не имеете возможности, приехав в Новгород, приобрести даже путеводитель, даже открытки с фотографиями новгородских достопримечательностей.

С законной гордостью встретила советская общественность сообщение, что профессор А. В. Архивский сделал в Риме доклад «Новые открытия в Новгороде».

Но вызывает недоумение: почему ничто из ежегодно обнаруживаемого экспедицией Академии наук в новгородской земле не оставляется в Новгородском музее?

Почему Новгородский музей извещает и у нас и за границей как «историко-художественный», пересели в разряд «научных», придал ему профиль, не соответствующий его богатому коллекциям, и лишил его тем самым права пользоваться широкой помощью центральных государственных реставрационных мастерских, не обслуживающих краеведческие музеи.

Есть такая организация: «Государственная инспекция по охране памятников истории и искусства Министерства культуры СССР». При всей вездесущности и пышности названия инспекция эта, по нашим наблюдениям, подлинных инспекторских прав не имеет, и ей заручиться активной защитой памятников старины от разрушителей и в тех, кто равнодушно взирает на разрушения.

Может быть, Министерство культуры СССР найдет возможным наделить эту инспекцию большими полномочиями?

Памятники старины, музеи — наши национальные богатства, они дороги нам, как святыни народной истории, их бережное восстановление и охрана — наше общее дело.

НОВГОРОД

Живой облик края

необозримое будущее! Велико оно и для нашей литературы: на карте-диаграмме в глаза бросается немало лучших, еще не затопленных «белых пятен». Подобно шедливым ромам, книжки-модели разместились на Чукотке, откровенно много их в южном и среднем Приморье, густо покрыты их разноеобразием в районах Колымки и Анадыря. А сколько там тем, сюжетов, характеров — только лишь!

Иногда расцвет. Это огромные перспективы. И не только долг, но и счастье писателя — запечатлеть его живой, стремительно меняющийся облик.

Понимаешь этот зал, в котором так широко и полно представлено все, что когда-либо было написано о Дальнем Востоке на протяжении многих лет, с таким чувством, словно перед глазами встал во всем своем неповторимом великолепии живой облик края.

ХАВАРОВСКИЙ

Интересы писателя и стиль руководства

Руководители союза часто призывают писателей к активности. Но слова о небрежительном отношении к общественным делам, о равнодушии и пассивности прилежались и не производят должного эффекта. Да это и понятно: призывы не помогут, если они не подкрепляются внимательным, товарищеским отношением к творческой судьбе литератора, принципиальным и неинтересным разговором о недостатках в работе союза и отдельных его членов, высказательной заботой о молодой смене — будущем литературы.

Конечно, в деятельности правления Союза писателей Татарии немало положительных, полезных, нужного. На заседаниях секций обсуждаются отдельные вопросы художественного мастерства. Например, в связи с тем, что во многих книгах татарских писателей наблюдаются композиционная рыхлость, неумение строить сюжет, творческая секция прозаиков обсуждала некоторые вопросы построения сюжета художественного произведения. О необходимости поэтических произведений говорили поэты на заседании своей секции. Творческие проблемы обсуждаются и на заседаниях правления. Но проходят эти обсуждения большей частью скудно и мелко, не привлекая широкого круга литераторов.

Писатель Мирсай Амир выпустил недавно первую книгу романа «Люди из Ялангау». Для литераторов эта книга была особенно интересна. Опытный писатель, автор популярной повести «Агидель», драм «Миннигамал» и «Песня жизни», в новой книге изменил привычному для него стилю. Он, например, старался избегать диалогов, но зато оказался щедрым на пространные описания. Работая над романом, автор не раз высказывался в защиту образа идеального героя. Поэтому интересно и полезно было проанализировать идейно-художественные особенности нового произведения М. Амира, определить, какое место

занимает оно в творчестве писателя.

Партийная организация союза решила провести широкий обмен мнениями по роману Амира. С писателями беседовали, просили их выступить и поделиться своими мыслями о романе. От обсуждения ждали многого, но широкой дискуссии на нем не было.

В чем же дело? Почему большинство татарских литераторов очутились в позиции сторонних наблюдателей? Они объясняют это тем, что среди писателей мало молодежи и много стариков, другие утверждают, что в работе организации мало инициативы. Все это отчасти верно, хотя мы и не намерены забывать татарских писателей в старости. Но главная причина все же заключается в другом. В Союзе писателей Татарии постепенно утрачивались демократические начала работы творческой организации.

В работе секций внешне все обстоит как будто благополучно. Время от времени появляются объявления о заседаниях, курьер разносит приглашения, билеты, раздаются телефонные звонки-напоминания и прочее. Но писатели без особого энтузиазма откликаются на все это.

Секции в основном занимаются обсуждением поступающих рукописей. Казалось бы, что тут плохого? Обсуждение — важное и нужное дело. Но беда в том, что вместо профессионального разговора секция зачастую сводит свою деятельность только к вылаче визы — рецензии на издательство. Поэтому обсуждаемые рукописи читаются очень небольшой группой литераторов. Руководители творческих секций работают так сказать, с близким прицелом. Они составляют план работы на квартал и дальше этого срока ничего не предусматривают. Но и в пределах этих кварталных планов запросы, интересы и нужды писателей по-настоящему не учитываются. План работы председатели бюро секций составляли единолично, без широкого участия литераторов.

В писательской организации республики — около шестидесяти человек. Руко-

ПУБЛИКАЦИЯ ИЗ АРХИВА А. М. ГОРЬКОГО

Из писем М. Горького

С. И. Яхонтову

Капри, конец 1909 — начало 1910 г.

Уважаемый Сергей Иванович!

Затрудняюсь высказаться определенно по поводу «Грешницы» и «Песни землицы» — затрудняюсь, потому что не поклонник этого жанра: не умеет он меня ни у Тургенева, ни у Тетмайера, знаменитый же Альтенберг — прямо-таки вант.

Мне кажется, что писать такие вещи крайне просто — не в том ли объясняется обилие их? Не представляю себе читателя, кого могут удовлетворить подобные вещи — особенно у нас, в России, где литература играла — и должна играть — великую свою роль факела правды, где она была — и должна быть — проста, серьезна и близка жизни.

Со стороны формы позвольте указать Вам на обилие определений в «Грешнице» и на излишества свистящих и шипящих созвучий всюду.

Мне думается, что такого рода вещи — если их необходимо писать, — требуют языка очень звучного, точных слов, лаконичности.

А по поводу издания Вашей книги — обращайтесь непосредственно в «Знамя» — я ныне не принимаю более участия в делах по издательству.

За отзыв — не обижайтесь, прошу.

Всего доброго!

А. ПЕШКОВ

Яхонтов Сергей Иванович (1871—1942) — писатель и педагог. «Грешница» и «Песни землицы» — стихотворения в прозе Яхонтова.

Тетмайер Казимир (1865—1940) — польский писатель.

Альтенберг Петр (1859—1919) — австрийский писатель.

«Знамя» — книгоиздательство.

А. П. Чапыгину

Капри, между 6 и 23 февраля 1910 г.

Я — вполне в услугах Вашим, присылайте отписки, прочтано и, — в меру понимания моего, — скажу правдиво то, что поделам.

Пшете: «Ваши мнения и указания — ценны для меня», — позвольте сказать Вам, что строжайшим и придирчивым судьей и ценителем Вашего труда — Вы сами должны встать пред собою, Вы сами — прежде всех!

Извините, что задержал ответ, очень много работаю, устало, волнуясь и т. д.

А письма я могу писать, лишь когда душа свободна, спокойна и — весело мне. Жму руку, желаю всего доброго, будьте здоровы!

А. ПЕШКОВ

Чапыгин Алексей Павлович (1870—1937) — советский писатель.

В. И. Костылеву*

Капри, 20 июня 1912 г.

Уважаемый Валентин Иванович.

Вы сообщаете: «написал рассказ, в котором, хотя и без некоторой искусственности, пытаюсь выдвинуть лозунг жизни» — из дальнейшего же следует, что Вы, так сказать, естественный, органический сторонник этого лозунга и, стало быть, [под] «искусственностью» я должен понять некоторый технический недостаток рассказа, чувствительный Вами. Так?

Но тогда, Валентин Иванович, недостаток этот необходимо устранить, дабы присутствие его не компрометировало защищаемый Вами лозунг — не даю читателю возможности перенести технический недостаток в существо философии Вашей.

Рассказ, несмотря на Ваше умение литературно писать, очень формален, схематичен и написан с явным намерением проповедовать. Это намерение совершенно обнажено речью

* Письмо печатается по машинописной копии личного архива А. М. Горького.

БЕСЕДЫ О ДРАМАТУРГИИ

1. С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ДРАМАТУРГ

Можно ответить: он начинается с первой написанной им пьесы. Я думаю, что это — неверно. Это очень трудный путь, путь драматурга к самому себе. Мы часто видим, как драматург пишет первую пьесу... вторую... третью, однако все это повторение чего-то, что было до него, какие-то реминисценции, полупрофессиональное воплощение чужих тем, но рождения нового, своеобразного художника еще далеко. В самом деле, драматург перекачивает без всякой законченности от одной темы к другой, от одного круга героев к другому, у него нет пристрастия к определенной категории людей. А это очень существенно, пристрастие драматурга к судьбе если не всего поколения, то определенной группы этого поколения.

До «Таня» в драматургии я работал семь лет и написал несколько пьес. Но я не могу считать эти пьесы, несмотря на то, что они были поставлены и сыграны, началом своей драматургии.

Однако еще в «Дальней дороге», пьесе, предшествовавшей «Тане», я впервые столкнулся с новым для меня ощущением в работе.

Там был один персонаж — Лиля Бреган — роль второстепенная, но я обратил внимание на то, что если ко всем остальным персонажам пьесы у меня было в общем одинаковое отношение: мне нравились писать их, потому что, как мне казалось, они были разнообразны и индивидуальны, и мне нравилось эту индивидуальность и разность подчеркивать, но не больше, — то когда на сцене появлялась Лиля, со мной начинало твориться нечто до сих пор не случившееся. Я чувствовал какое-то неподдельное волнение за то, что ей скажут, что ей ответят.

Но тут я допустил ошибку. — Я стал ее жалеть. Мне хотелось облегчить ей жизнь, чтобы для нее все было лучше, легче, чтобы с ней не случилось беды. Заинтересовались ее судьбой, я стал оберегать ее от всяких несчастий, я стал ей помогать, убавил ее пути преграды. И в результате, она, лишаясь действия, померкла во втором акте, а в третьем просто погасла.

Но сам характер этого человека плюс то чувство, которое я испытал в работе, заставляли меня о многом задумываться.

Печатается по сокращенной стенограмме выступления перед студентами Литературного института имени А. М. Горького.

Алексей АРБУЗОВ

А начал работать над «Таней», я окончательно понял, что писательское ремесло, а следовательно, и ремесло драматурга, замечательно и прекрасно только тогда, когда ты пишешь о чем-то своем, кровном, трогающем тебя до глубины души.

Как возникла «Таня»?

Мы часто говорим о типическом, как оно рождается. Для меня этот вопрос решился так: не очень давно со мной, а на каком-то, я бы сказал, отдаленном расстоянии история девушки, в чем-то напоминавшая то, что происходит в «Тане». Возникла и увидела меня какой-то новой нотой в жизни.

Мне показалось, что я этого в литературе не читал и в жизни встречаю впервые. Но мне показалось, что эта история исключительна. А делать материал пьесы историей исключительную, — считал неверным. И оглядывая себя от этой работы.

Прошло какое-то время, и жизнь снова столкнула меня (на этот раз ближе) с историей, которая почти дословно повторяла первую, причем повторяла не только в общих чертах, но даже в каких-то деталях. Это меня поразило. Словно видишь пьесу, а потом через какой-то промежуток времени — другую, удивительно похожую на первую. — Я смотрел на происходящее передо мной, как на то, что я знаю и знаю раньше. Но и это не заставило меня писать, ибо я решил, что тут просто случай, который повторился дважды.

Но вот жизнь подвела меня к третьему случаю, причем этот третий случай не являлся еще трагическим концом; он был еще в самом начале счастья и любви Татьяны и Германа (назовем их так), и только какие-то первые «кроковые ласточки» летали над ними, и можно было только догадываться, что все кончится так же трагично, как кончилось в первых двух случаях. И вот тогда (так как эта история была и мне очень близка) я решил написать пьесу для того, чтобы не случилось этой уже знакомой мне трагической развязки.

И я стал ее писать почти утилитарно — для этих людей. Но по мере того, как я эту пьесу писал, по мере того, как передо мной вставал весь мой жизненный опыт и все, что я пережил и переживал, пьеса стала выходить за рамки камерности, фигуры становились все шире, все обобщеннее, и вдруг мне показалось, что я

впервые в жизни столкнулся с большим современным конфликтом.

Конфликт этот волнует меня, Алексея Арбузова, больше, чем все остальное. И это мое желание остановить движение людей и пропасти, сказать им: — Стоп! Не ходите туда. Там смертельно, там опасно! — и определило пристрастное отношение к материалу. И впервые на этой работе я, собственно, понял, какое счастье писать.

Вот так, мне кажется, и следует искать героя: работа, надо стараться быть полезным двум-трем людям, ибо, если вы очень полезны этим двум-трем людям, тогда вы наверняка полезны многим.

Так и с Ведерниковым. Выбор героя опять-таки был обусловлен (что существенно) очень личным, очень пристрастным моим отношением к нему, моей заботой о нем, моем неодобрением его манеры жить и моей жаждой помочь ему. Вот из этого неодобрения и в то же время жажды помочь, — из двух этих «слабых», мне кажется, возникает та настроенность драматурга, которая помогает ему написать образ восторженно.

Впрочем, это очень индивидуально. Тут много разных путей, а то, о чем я говорю сейчас, — просто мой опыт.

Мне кажется, что сейчас, после «Таня», я все время пишу одну и ту же пьесу и последующие пьесы — это акты одной драмы, каждая новая пьеса возникает из чего-то, что я не смог выразить полностью раньше.

Вот «Годы странствий», образ Ведерникова. Он сидел очень давно во мне и требовал, чтобы я написал о нем. И когда-то в этом отношении сделал попытку: Герман в «Тане» — это незавершенный набросок его характера. Но тогда, увлеченный образом героини, я не дал этому «потенциальному» Ведерникову хода. И образ этот продолжал требовать выразить его в каком-то ином, более законченном виде.

Я бросил кому-нибудь рекомендовать эту манеру работы, может быть, есть в ней какая-то не только человеческая, но и художническая угодность, но мне кажется, что в пьесах, которые я пишу, я никак не могу исчерпать тему.

Возникновение героев происходит у меня потому, что я их все еще «не досказал». Даже «Европейская хроника», действие которой разворачивается в Дании, Париже, где я никогда не был, даже эта пьеса душевно и композиционно стоит рядом с пьесой «Годы странствий». Ибо герои «Хроник» и герои «Странствий» решают один и тот же вопрос, вопрос ответственности человека перед временем. Идентичные ре-

КОРОТКО О КНИГАХ

Сила коллектива

Вторым изданием вышла повесть М. Романовича «Огневики» («Молодая гвардия», 1955, 280 стр. Цена 5 руб. 70 коп.). Это повесть о том, как комсомольцы одного из сельсоветов вместе ссорам в заготовке и вывозе древесины, которая так необходима многочисленным нашим стройкам. Писательница сумела передать поэзию труда лесозаготовителей, а главное, сумела рассказать о том, как в дружной работе складывалась молодая сплоченная коллектив и как велика моральная чистота и сила этого коллектива.

Привлекательны образы комсомольского вожака Вадима Русских и парторга участка Ивана Михайловича Тренина, запоминаются и своеобразные характеры комсомольцев, единых в самом главном — понимании своего долга перед страной.

Правда, не все удалось автору. Встречаются страницы, где писательница не убеждает живым показом событий и характеров, а начинает сама объяснять и пересказывать. Некоторые образы только намечены. Иногда автор неточно, упрощенно описывает внутренние мир своих героев. А в книге, где много места уделено вопросам любви и дружбы молодежи, хотелось бы видеть большую тонкость психологического анализа, многообразие авторских красок.

Рассказы о любви

Пять рассказов Станислава Мелешина, вошедших в его сборник «Трое в тайге» (Челябинское книжное издательство. Стр. 190. 1955. Цена 3 р. 20 к.), посвящены одной теме — теме любви. Лучший рассказ сборника «Трое в тайге». В суровом северном краю живет народ манси. Еще и сейчас там кое-где бытует древний обычай, когда отец без согласия дочери может выдать ее замуж за угодного ему человека. Но любовь Никиты Бахтвара, не побоявшегося пойти против отца Оланы — злого Багара, сильнее старых пережитков. И Олана, вопреки воле отца, уходит к Никите.

Герои рассказов «Ольга Иванова», «В дороге» и «Рожь зеленая», полюбив, становятся лучше, чище и красивее. Во всех рассказах С. Мелешина убедительно рисует окружающую его героев природу — будь то бескрайняя, выгоревшая степь, где нечем дышать от зноя, или суровая зима тайга с буреломами, сугробами и метелями.

В целом рассказы, хотя в них и чувствуется некоторая торопливость, — удача молодого писателя.

Честь подлинная и мнимая

Какой ты в коллективе, как ты относишься к товарищам, что такое подлинная и мнимая честь пионерского звена? — вот о чем предлагает поразмыслить своим читателям молодой писатель А. Соколовский в своей повести «Новичок» (Детизн, 1955, 192 стр. Цена 4 р. 45 к.).

Конфликт повести построен на сопоставлении двух детских характеров. Слава Пыжов — новичок, выросший в тайге, с детства привыкший уважать дружбу, труд, умеющий разложить костер и даже выдвигать живого тигра, — становится учеником пятого класса московской школы. Он проявляет себя хоть и несколько угодливом, но честным и принципиальным товарищем. Ему противопоставлен Стасик Валковский — званый пионерского звена. Воспитанный семьей в сознании собственной исключительности, он больше всего озабочен своей репутацией звенового. Для этого он даже запрета пионером звена полагать в учебе ребятах из других звеньев. С товарищами он держится маленьким диктатором, заставляя их во всем себе повиноваться.

И хотя в повести не все бесспорно, хотя она и выглядит несколько прижатой, общий тон ее правдив. Повесть направлена против формализма в пионерской работе.

Человек в армии

Богд в Союзе писателей обсуждалась повесть лейтенанта-артиллериста Тамары Сачевой, автора, между прочим, спросили:

— Раньше вы литературой не занимались? Что толкнуло вас написать книгу? Сачева ответила не задумываясь, словно бы сама не раз уже отвечала себе на этот вопрос: «Я не могла не рассказать о людях, которые были со мной. О тех, которые вернулись, и о тех, кто остался там. Меня это желание просто мучило. Теперь мне как будто немножко легче...»

Среди произведений, которые будут обсуждаться на Всесоюзном совещании молодых писателей, есть книга, посвященная грозным годам войны. Эти книги принадлежат разным авторам и не равны по своим литературным качествам, но есть общее достоинство, их роднящее, — трезвое, правдивое изображение войны, которое лежит в традиции всей русской литературы.

Одиннадцатый год пошел с тех пор, как ужомка бегла и отрясли обидные салюты в Москве. Многие отстоялись в воспитаниях. Даже малоопытные, начинающие литераторы пишут сейчас о войне шире, смелее обобщая свои впечатления.

Большой интерес вызывает книга И. Арсентьева «Суровый воздух», вышедшая в Бульваре. Автор ее рассказывает о боевом пути, очевидно, своей летной части, однако в повествовании совершенно не чувствуется той ограниченности в изображении характеров и событий, какой нередко третп комюары натуралистов. И. Арсентьев дает простор воображению, смело описывает события, чувства, какие вряд ли довелось полностью пережить ему самому. Глубочайшего напряжения события, поэтически осмыслены автором.

Отлично пишет Арсентьев бои. Отлично, потому что и непосредственный человек видит в его описаниях то, что происходит в воздухе, когда от иражель, скольжения и разворотов даже в глазах бывшего пилота кажется кружится граммофонной пластинкой. Поэтично, тепло пишет И. Арсентьев и мирную землю, за которую герои его ведут бой.

Но далеко не все хорошо в интересной книге И. Арсентьева, и об этом хочется прямо сказать автору. Главный ее недостаток заключается в том, что молодой писатель не умеет показать своих героев в личной жизни. Как живы, хороши Черенок, Остап в полете, в землянке, в кабине самолета и как беспомощны они почти во всех любовных сценах! Отважные пилоты словно бы и сами обескуражены тем, что автор лишил их в этих сценах житейской непосредственности, и поэтому решительно не знают, как вести себя с их столь же «толубыми» подругами.

Пусть не поймут меня превратно ни автор, ни читатели. Я вовсе не ратую за скоропалительные браки и сближения. Я — только за то, чтобы любовь, как и труд, изображалась в наших произведениях свободно и раскованно. Чтобы, прочитав о любви героев романа, юноша задумался, пожелал бы и на своем жизненном пути встретить такое же обогащающее, могущее чему-то.

Книга И. Левченко «В годы Великой войны» займет свое место в мемуарной литературе, хотя затруднительно по одному этому произведению определять дальнейшую литературную судьбу автора.

Самое интересное в этой книге — жизненный путь героини. Семнадцатилетняя школьница ушла на фронт. Она стала водителем танка, командиром танкового взвода и закончила Военную академию. Большая заслуга автора в том, что при всей исключительной личной биографии героини И. Левченко сумела показать закономерность такой судьбы в наших условиях, а потому, что ты был рядом с тобой, но жизнь как-то так повернулась, что ты не попал в положение твоего героя. Да, опыт жизни — это не только то, что ты сделал, а то, чего ты не совершил, ибо сознание несовершенного и является неотступной мыслью человека о самом себе. Вот почему это не свершилось с тобой, но возможно в твоей жизни, является, на мой взгляд, очень воубуждающим в творчестве.

Мне думается, что когда окончательно приступишь к работе, вернее, когда ты решишься на нее, в твоей теме должен присутствовать круг вопросов, круг людей, которые больше и выше тебя самого. Ты обязательно расстешь вместе с героями пьесы, если решишь задачу более той, на которую считаешь себя способным общественно, нравственно, художественно. В этом смысле элемент риска и смелости всегда должен быть у писателя. Но не нужно браться за сюжеты и людей, которые для тебя уже пройденный этап, пусть ты чувствуешь себя с ними легко и просто. Нет, обязательно нужно чувство громадности поставленной перед собой общественной задачи.

2. НАЗИДАТЕЛЬНОСТЬ Люди живут по-разному. По-всякому. Или поучительность кому. Иногда рядом с нами разыгрываются истории и очень забавные и очень печальные.

Все они, конечно, могут стать предметом спесического изображения.

Я сказал — все. Но так ли это? Все ли? Вспомним, как быстро забываются нами иные замечательные картины жизни, изображенные драматургом и театром очень старательно, а иногда даже правдиво.

Отчего же случается так? Почему мы бываем столь подозрительно забывчивы? Не потому ли, что главная впечатляющая сила художественного произведения должна измеряться одним — насколько поучительна судьба его героя.

Вот почему, когда мы станем рассматривать вопрос с этой позиции, спор о положительном и отрицательном героях покажется нам не самым главным.

В самом деле, разве судьба Обломова, Дон Кихота, чеховского Ивана, мадам Бовари, Григория Мелехова, Нины Заречной, Гамлета, Любови Яровой не заставляет зрителя и читателя оборачиваться на себя, не заставляет его заново оценивать свои поступки, свою жизнь?

Разве не в том сила «Тихого Дона», что Григорий Мелехов любим автором, и Шолохов с отчаянием смотрит, как гибнет дорогой ему человек? Но эта гибель любимого героя он как бы

ловнях, когда целестроительность и сила воли делают мету подвластной человеку.

Видимо, форма мемуаров, такая, казались бы,вольная, — пиш, как было, — кое в чем ограничила автора. И. Левченко срагичательно мало пишет о себе, о своих чувствах, ощущениях в те моменты, но чрезвычайно важные минуты, когда она сама, находясь в танке, летит бой. Излишняя скудость повествования приводит к тому, что читателю не удается увидеть ратный труд танкиста с той отчетливостью, с какой он может представить себе работу военного летчика по повести И. Арсентьева.

Повесть Г. Семеновича «Испытание» посвящена летчикам, несущим сегодня вахту по охране наших границ. Повествование, несколько вяло вначале, становится увлекательным во второй половине книги, особенно в кульминационных ее главах, где бывалый фронтовик Мочалов в паре с молодым, необстрелянным пилотом сбивает чужой военный самолет, появившийся над нашей землей.

Портит повесть Г. Семеновича дидактика, расположившаяся в ней по-хозяйски с первых же страниц. Односторонний пока еще характеры даже главных героев, не говоря уже о второстепенных.

Несколько схож по материалу с книгой Г. Семеновича роман дальневосточного автора И. Миксона «Офицеры». Труд летчиков всегда так в себе нечто от романтики. Гораздо труднее заставить читателя заинтересоваться тем, как в мирное время на обычных учениях, обилился потом, тянут артиллеристы свое орудие на непопулярную высоту. И. Миксону это удалось. Все, что непосредственно касается упорного, тяжелого труда артиллеристов — солдат и офицеров — в дни мирной учебы, прочтываешь с интересом.

Но опять-таки, как и многим другим, не удалось молодому автору показать душевную жизнь своих героев, хотя в повести «личным» проблемам уделено немало места. Не удалось, на мой взгляд, и образ офицера Ярцева. В прошлом честный фронтовик, Ярцев нынче предстает перед нами сотканым из одних недостатков. Он и лежебока, и циник, и очковидатель, и преступник, ироничный ил армии. Но как дошел он до жизни такой? Без ответа на это серьезное «почему» образ не убеждает.

Писательское дело — трудное и ответственное, не зря его называют человеко-великим. Поэтому и хотелось говорить без скидок с молодыми авторами прочтанных книг. Все они хорошо знают материал, если уж применять это казенное в отношении литературы слово. А вот человека знают они недостаточно.

Не произносите ли мы зачастую механически слово «коллектив», забывая, что состоит он из отдельных людей, с разными судьбами, особыми радостями и горем? Не хватает у нас неадекватного, пылкого любознательства к мыслям и чувствам окружающих нас людей, без которого немаловажно глубокое понимание человека. А отсюда и беспомощное обобщение на дидактику. Все они хорошо знают материал, если уж применять это казенное в отношении литературы слово. А вот человека знают они недостаточно.

Знай И. Миксон больше о своем Ярцеве, не получился бы у него схематичный образ живущего прошлой славой фронтовика, многограннее были бы герои Г. Семеновича, смелее разрешил бы судьбы своих друзей-летчиков И. Арсентьев.

Конечно, к душе человеческой труднее проложить путь, нежели подобрать ключ к гайке. Люди пьют те в свое «святое святых», только ощущив, что ты не холодно препарируешь их жизнь для того, чтобы написать книгу, а книгу пишешь для того, чтобы в меру своих сил обогатить, сделать лучше, прекраснее нашу жизнь.

Евг. ЛЕВАКОВСКАЯ

отражает нас от его страшного пути. А Дон Кихот?! А Андрей Прооров из «Трех сестер»?.. Положительные это образы или отрицательные?

Их судьба поучительна — вот что важно для нас.

Однако нет ли тут оттенка школьной назидательности? Думаю, что этого удастся избежать, если поучительной будет сама судьба героя, а не пространные комментарии драматурга к этой судьбе. Мы же очень часто грешим в этом направлении, подсовывая зрителю выводы вместо размышлений.

Итак, мне думается, что настоящей наградой писателю будет то, что зритель, вернувшись домой с представления драмы, начнет размышлять о своей жизни или задумываться о судьбе близких ему людей. Однако решать подобные задачи мы сможем, только овладев техникой и мастерством нашего ремесла.

Талантливых наблюдателей жизни у нас всегда было немало; в нашу драматургию нередко приходили бывалые люди, имевшие острый глаз и умение подметать новое, но обилие жизненных впечатлений так захватывало их, что они никак не могли найти в себе достаточно сил, чтобы подумать о единственной и точно найденной форме их выражения. Вот почему мы ясно видим теперь, что драматургия нашей прежде всего не хватало мастеров, умеющих художественно прочно передавать свои наблюдения.

3. ГЕРОЙ В ПЬЕСЕ Залог успеха пьесы — в продуманности ее композиции. В этом отношении драматургия не сравнима ни с поэзией, ни с прозой, ибо элементы импровизации и домысла, на которые художник имеет право, когда он распоряжается судьбами людей в романах или повестях, в драме отсутствуют. Здесь железные рамки — эти «роковые» 85 страниц. Ни на какие отвлечения ты не имеешь права.

Очень часто мы слышим обращение к драматургам прословутые классические: «Не опекайте своих героев, дайте, чтобы они жили сами по себе, сами определяли свою судьбу, они преставно ободуют без вас, создайте только условия! Вот Пушкин дал свободу героине, а потом закричал: «он какую штуку удрала со мной Татьяна» — вышла замуж».

(Окончание на 4-й стр.)

ЛЮДИ НОВОЙ АЛБАНИИ

...От Будапешта до Тираны, если память мне не изменяет, всего три — три с половиной часа пути.

Мы «летели» до столицы Албании пять дней. Горы, отдельные вершины которых достигают высоты почти трех тысяч метров над уровнем моря, горы в тумане предвещают нам путь.

Не будучи в состоянии двинуть горы, мы не сетовали на них, но туман, способный «при желании» рассеяться за какой-нибудь час, мы проклинали безудержно.

Туман словно окаменел. Утром автобус будапештского аэропорта отвозил нас из гостиницы на аэродром, в три часа дня привозил обратно в гостиницу. Туман...

Мы испытывали смешанное чувство нетерпения и отчаяния. Будапешт — прекрасный город, но в те дни перед нашими глазами стояла Тирана.

Туман, наконец, рассеялся, пики гор обнажились, самолет можно было вести «визуально». Днем, пролетев над частотомом остроугольных гор и заложив вираж над Адриатическим морем, вставшим перед нашими окнами сплошной водной стеной, мы приземлились на тиранском аэродроме.

Минута, другая, и вот дверь самолета распахивается, поток яркого солнечного света врывается в кабину, и вместе с солнцем появляются наши дорогие албанские друзья...

...Мы пробыли в Албании две недели — в обычное время и в обычных условиях очень короткий срок. Однако время приобретает особую емкость, когда происходящее в нем события важны, многозначительны и ярки. Именно такими были наши две албанские недели.

Мы многое знали об Албании, когда ехали в эту далекую от Москвы страну. Нет советского человека, который не помнил бы о героической борьбе албанских партизан против общего врага — фашизма. Люди нашей страны знают историю небольшого, но смелого, гордого и свободолюбивого албанского народа, так много пережившего в минувшие столетия и в жестокой борьбе завовавшего свободу и независимость.

Но только войною увидев страну и народ Албании, только побывав в различных городах — северных, восточных и южных, на нефтепромыслах, текстильной фабрике, сахарном заводе, в сельскохозяйственных кооперативах и крестьянских домах, в школах и театрах, только проехавшие сотни километров по головокружительным горным албанским дорогам, — мы лучше узнали, всем сердцем почувствовали Албанию.

Говорят, что об успехе любого дела надо судить по его результатам. Это верно, но только отчасти. Об успехе дела, не только сегодняшнем, но и завтрашнем, следует судить, познав характер, стремления и, так сказать, «накал чувств» людей, которые вершат это дело.

Подумать только: бедная, разоренная колонизаторами страна за годы строительства основ социализма волею своего народа, при братской помощи Советского Союза, воздвигла десятки промышленных предприятий, во много раз увеличила добычу нефти, угля, производя электроэнергию, ткань, обувь, цемент.

А сельское хозяйство? Изнывавший под югом беев, кулаков и ростовщиков крестьянство в минувшее десятилетие буквально олодотворило свою долгожданную землю. В стране созданы МТС, государственные фермы, опытные станции, сельскохозяйственные кооперативы... Они выращивают кукурузу, пшеницу, овес, хлопок, табак, сахарную свеклу, занимаются плодоводством...

И все же если бы меня спросили: что произвело на вас в Албании самое большое впечатление? — я, не задумываясь, ответил бы: люди.

Мы подолгу беседовали с албанцами, беседовали всюду и со всеми — с рабочими

К 10-летию провозглашения Народной Республики Албании

и крестьянами, учителями и врачами, писателями и артистами. Мы останавливались на дорогах, на горных головах, чтобы поговорить с восторженными людьми.

Свою свободу, свои творческие успехи албанцы связывают с нашей Советской страной, говоря, что без братской помощи великого советского народа им было бы во сто крат труднее добиться победы.

Что же удивительного в том, что дружеские чувства албанцев к нашей Родине столь велики и горячи? Что же удивительного в том, что, обрета в борьбе мир и возможность спокойно трудиться для блага своей страны, для своих детей, для самих себя, албанский народ так жаждет мира и готов бороться за него не жался сил?

Мне пришлось побывать во многих странах. Я был в Китае, Индии, Чехословакии, Франции, Венгрии. Менее облик людей, улиц, домов, но где бы я ни был — на берегу Тонганга или на гранитных набережных Сены, на будапештском Маргите или у стен пражских Градчан, на знаменитой пекинской площади Тяньаньмынь или в горах Албании, — одно оставалось неизменным: воля народов к миру, к счастью, ненависть к войне.

Фундаментом, несомненным основанием дружбы советского народа с народами земного шара является естественное для человека стремление к миру, к творчеству, желание каждого народа видеть свою родину идущей по пути прогресса. И поэтому, к слову сказать, нас не удивляет, что многие политические деятели капиталистических государств, мягко говоря, не сочувствуют этой дружбе. Не менее естественно, что во время поездки на Восток товарищи Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева многие реакционные органы печати, видящие смысл своего существования в оправдании войны и колониализма, пытались возбудить гималаи джи, более «высокие», чем реальные Гималаи, над которыми пролетели советские представители на своем пути Дружбы.

Вряд ли есть смысл полемизировать с этими газетами и журналами. Им уже ответили народы Индии, Бирмы и Афганистана.

Совсем недавно албанская газета «Шуна» писала по поводу небезвестных «рождественских посланий», «сблизяющих» народы Восточной Европы («свободой»: «Всем хорошо известно, о какой «свободе» ведут речь в Вашингтоне. Эта «свобода» означает не что иное, как лишение народов их власти, восстановление режима королей, помещиков, капиталистов и кинеров...».

Сейчас, приводя эти строки, я вспоминаю наше посещение одного из сельскохозяйственных кооперативов в Бурчинской области.

Мне трудно описать эту встречу, ибо она — не только в фактах, деталях, в словах и улыбках людей, в красочных национальных костюмах — в Албании великое множество самых различных национальных одежд... Главным в этой встрече была атмосфера поистине братской дружбы.

Мы провели там несколько часов. Ходили по полям, осматривали животноводческую ферму, танцевали и пели вместе с крестьянами, а потом пошли в один из домов, где стол был накрыт всяческой сельской едой.

И опять-таки наиболее восхитили нас здесь люди. Красивые, рослые, сочетающие в себе непосредственную привлекательность с чувством гордого достоинства, мужички, пожимавшие плечами в темных одеждах, матери поглубже в болах партизан. Им, этим женщинам, в любой албанской деревне предостается самое почетное место...

Нам показывали. Но показывали не просто так, как показывают гостям, по долгу вежливости и гостеприимства, а как членам своей же родной семьи.

Нас спрашивали. Но опять-таки не так, как иногда нас спрашивают на чужбине люди, далекие от знания Советской страны, вызывая подчас улыбку на наших лицах.

Нет, там, в Албании, нам задавали вопросы люди, для которых страна Советов — своя, родная страна, люди, которые близки к ней сердцем. Они знают о наших стройках, о нашей сельскохозяйственной выставке, о наших книгах, о Москве...

Это не были просто вопросы и ответы. Это был обмен опытом в самом будничном и вместе с тем в самом высоком смысле этих слов...

Так было везде. Начиная с многотысячного митинга в Тиране, кончая на всю жизнь запомнившейся нам заключительной беседой с Энвером Ходжа. Когда руководитель Албанской партии труда в течение ряда часов беспрерывно нас и впечатлений от нашей поездки и настойчиво просил прямо и открыто сказать обо всем, что нам кажется еще недоделанным, обо всем, что надо исправить, мы, группа советских людей, чувствовали себя среди друзей и братьев.

И сегодня, когда Народная Республика Албания празднует десятую годовщину своей жизни, наши взоры обращаются к «стране олов», — так звучит название этой земли по-албански. — в ее горах, к ее голубому небу и, главное, к ее людям.

Александр ЧАКОВСКИЙ

Хамид Вллади — подрывник на строительстве гидроэлектростанции имени Энвера Ходжа.

зайственных кооперативов в Бурчинской области.

Мне трудно описать эту встречу, ибо она — не только в фактах, деталях, в словах и улыбках людей, в красочных национальных костюмах — в Албании великое множество самых различных национальных одежд... Главным в этой встрече была атмосфера поистине братской дружбы.

Мы провели там несколько часов. Ходили по полям, осматривали животноводческую ферму, танцевали и пели вместе с крестьянами, а потом пошли в один из домов, где стол был накрыт всяческой сельской едой.

И опять-таки наиболее восхитили нас здесь люди. Красивые, рослые, сочетающие в себе непосредственную привлекательность с чувством гордого достоинства, мужички, пожимавшие плечами в темных одеждах, матери поглубже в болах партизан. Им, этим женщинам, в любой албанской деревне предостается самое почетное место...

Нам показывали. Но показывали не просто так, как показывают гостям, по долгу вежливости и гостеприимства, а как членам своей же родной семьи.

Нас спрашивали. Но опять-таки не так, как иногда нас спрашивают на чужбине люди, далекие от знания Советской страны, вызывая подчас улыбку на наших лицах.

Нет, там, в Албании, нам задавали вопросы люди, для которых страна Советов — своя, родная страна, люди, которые близки к ней сердцем. Они знают о наших стройках, о нашей сельскохозяйственной выставке, о наших книгах, о Москве...

Это не были просто вопросы и ответы. Это был обмен опытом в самом будничном и вместе с тем в самом высоком смысле этих слов...

Так было везде. Начиная с многотысячного митинга в Тиране, кончая на всю жизнь запомнившейся нам заключительной беседой с Энвером Ходжа. Когда руководитель Албанской партии труда в течение ряда часов беспрерывно нас и впечатлений от нашей поездки и настойчиво просил прямо и открыто сказать обо всем, что нам кажется еще недоделанным, обо всем, что надо исправить, мы, группа советских людей, чувствовали себя среди друзей и братьев.

И сегодня, когда Народная Республика Албания празднует десятую годовщину своей жизни, наши взоры обращаются к «стране олов», — так звучит название этой земли по-албански. — в ее горах, к ее голубому небу и, главное, к ее людям.

Александр ЧАКОВСКИЙ

НА ОПАСНОМ ПУТИ

На исходе года обычно принято подводить баланс. И не только в бухгалтерии, но и в политике. Свою точку зрения на итоги политики западных держав в Европе графически выразил художник Гербок из американской газеты «Вашингтон пост энд таймс геральд», опубликовав рисунок, который мы здесь воспроизводим.

Два государственных деятеля сидят в автомобиле, на котором написано: «Европейское единство». «Ну, как обстоят у нас дела?» — спрашивает один другого. Дела, видимо, обстоят неважно.

Первым испытанием прочности этого «единства» явилось «Европейское оборонительное сообщество». Однако колесо ЕОС не выдержало и слетело...

Недавно полетело вниз и еще одно колесо — население Саарской области отвергло так называемый «европейский статут», являющийся составной частью парижских соглашений.

Колесо НАТО пока еще держится. Но надолго ли его хватит? Оно изрядно потрепано и все покрыто заплатками.

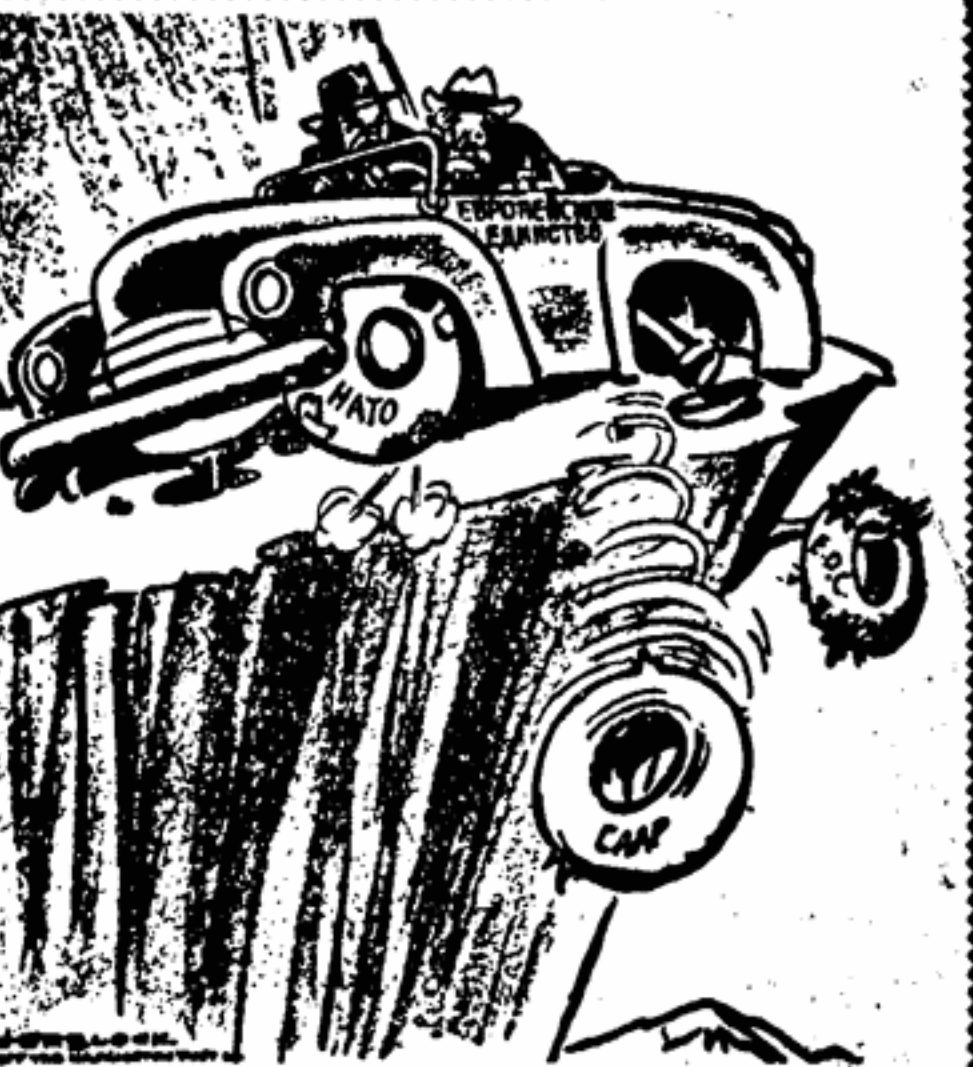
Почему же «машина» оказалась в столь незавидном положении? Ключ к ответу на этот вопрос можно найти в

английском журнале «Нью стейтсмен энд нейшн», который охарактеризовал недавнюю политику западных держав в Европе вообще и в германском вопросе в частности.

«Стремясь как можно скорее создать немецкую армию, мы пределили извещению всякую осторожность...» читаем мы в журнале. — Узы, налагаемые договором ЕОС на германский милитаризм, никогда не были особенно надежными, а ограничения, предусмотренные в парижских соглашениях, почти не существуют.

Эти сетования английского журнала — отражение беспокойства, которое охватило широкие круги общественности стран Западной Европы, в том числе Англии, в связи с тем, что поблизости от их границ вновь возрождается германская армия. За разговорами о «европейском единстве» скрываются намерения осуществить без задержки милитаризацию Западной Германии.

И совершенно естественно, что народы стран Западной Европы всячески мешают осуществлению подобных планов, не хотят никакого единства с германскими милитаристами. «Поражение ЕОС и саарского статута подорвало дух ев-

ропейского союза», — резюмирует журнал «Нью стейтсмен энд нейшн».

Как видим, мнения американского художника и английского журнала в конечном итоге сходятся — политика западных держав в Европе оказалась над простыми... Выбраться оттуда она сможет только тогда, когда будет опираться не на агрессивные военные группировки, а на здоровые принципы коллективной безопасности в Европе.

Последний роман Томаса Манна

«Ипохондрия» австрийца Феликса Крулля — последний, законченный роман одного из крупнейших писателей Западной Европы — Томаса Манна. Первая часть романа в своем окончательном виде была опубликована незадолго до смерти писателя, в 1954 году. Она сразу же завоевала широкое читательское симпатии. Во многих странах роман о Феликсе Крулле был издан большими тиражами.

Однако огорчимся заранее, что хотя роман о Феликсе Крулле вышел в 1954 году, произведения Томаса Манна вообще, и его последний роман в частности, очень трудно «датировать». Манн принадлежит к тому типу художников, которые годами, а иногда и десятилетиями вынашивают свои замыслы. Первоначальный план романа «Доктор Фаустус» возник за 42 года до его написания. Нариски в трилогии «Иосиф и его братья», опубликованной в годы войны против гитлеризма, были написаны Манном вскоре после выхода в свет «Волшебной горы», то есть после 1925 года... Долгие десятилетия занимался писатель и романом о Крулле. Замысел «Крулля» созрел у Манна еще накануне первой мировой войны. (Тогда же был написан и большой фрагмент романа).

Из автобиографических статей писателя видно, что этот замысел буквально «преследовал» его многие годы. Манн пишет о «Крулле» почти во всех своих крупных автобиографических работах... «Представление бы несомненным следствием», — говорит он в своей работе «О возникновении «Доктора Фаустуса», — «после 32 лет вновь начал там, где я закончил пред написанием «Смерти в Венеции», ради которой я прервал «Крулля». И тогда все мои главные и второстепенные произведения, написанные с тех пор, как возник этот замысел тридцатилетнего писателя, представляли бы лишь как вставные эпизоды — вставные эпизоды, на которые потребовался целый человеческий век...».

В речи, произнесенной в 1950 году, Манн назвал книгу «Буденброк» романом своей молодости, а «Фаустуса» — романом своей старости. Пользуясь этой терминологией писателя, можно назвать «Феликса Крулля» романом всей жизни Томаса Манна.

Первая часть романа «Феликс Крулля» была закончена Манном больше чем через полвека после издания его первого большого, неумирающего произведения «Буденброк». Однако главная тема обоих этих произведений осталась та же. Эта тема — буржуазное общество. Разница заключается лишь в том, что «Буденброк» — это роман о распадае буржуазного общества

XIX века, в то время как «Крулля» — это произведение о полном разложении того же самого общества.

Действие романа «Крулля» начинается там, где заканчивается действие романа «Буденброк». Рассказав в «Буденброках», как декларируется «нормальная» буржуазная семья, неоднократно упоминаем о том, что в «Буденброках» он изобразил буржуазную семью и даже свою собственную семью, Манн ставит точку. Книгу о «Крулле» писатель начинает с рассказа о том, что происходит с отпрыском буржуазной семьи после того, как эта семья окончательно распалась. Большинство действующих лиц романа «Буденброк» — добропорядочные бурgeois. Главное действующее лицо «Крулля» — авантюрист, Бонсу Буденброк и его дети вращаются в определенном замкнутом кругу. Они сталкиваются в основном только с себе подобными, то есть с теми же бурgeois. Совсем иначе обстоит дело с Круллем. Самый сюжет романа, который можно кратко обозначить, как похождения авантюриста, позволяет писателю провести своего героя через все «крути» буржуазного ада.

С Феликсом Круллем, как с истым авантюристом, происходят удивительные, неожиданные, иногда даже фантастические происшествия... Обстоятельства (полное разорение отца) бросают его на самое «дно» общества. Притворясь душевнобольным, Крулля спасается от солдатчины (Сцена набора рекрутов в германскую кайзеровскую армию — одна из самых сильных сцен романа). Затем Крулля становится кельнером в богатом парижском отеле. Здесь он знакомится с жизнью буржуазного общества, так сказать, с ее «изнанкой». Но проходит не так много времени, и «счастливый случай» возмнит бедного официанта на самый верх социальной пирамиды. Под именем маркиза Веноста он отправляется в увеселительное путешествие по свету.

Обо всех своих приключениях Крулля повествует с видом беспристрастного летописца, заинтересованного лишь в том, чтобы передать, «как это действительно было». Но за всеми удивительными перипетиями романа, за «беспристрастными» повествованием Крулля нетрудно разглядеть критический замысел писателя. Его роман о «Крулле» — большое полотно, разблещенное пороки современного капиталистического общества.

Целая галерея представителей этого мира проходит перед нами в романе...

Вот типичный «слуга» — мелкий служащий парижского отеля Станко, не гнушающийся тем, чтобы обманывать криво. А вот представительница «высокого искусства» — потреска Лана Флибер. Впрочем, имя Ланы Флибер фигурирует только на обложке ее рафинированных поэтических сборничков. «В миру» Лана Флибер известна под именем Ланы Уфле. Уфле, муж Ланы — богатый, преуспевающий фабрикант, поставщик унитазов. Лана уверяет, что она связала свою судьбу с клеточным фабрикантом только для того, чтобы быть свободной в своем служении искусству... Вот маркиз Веноста — шалопай и прожителец жизни, готовый на любое мошенничество, но все же свято верящий в то, что он всегда остается «джентльменом»... А вот и лиссабонский ученый — типичный буржуазный «гелетер», парящий в сферах чистой науки и не замечающий того, что творится у него под носом... Эти образы венчают образ короля Португалии дона Карлоса первого, который награждает авантюриста Крулля орденом «Красного льва II класса» за то, что Крулля сумел развлечь венценосного монарха рассказами о событиях своей мнимой матери, маркизы Веноста...

У авантюриста Крулля «блудного сына» буржуазного общества, очень длинный ряд литературных предшественников. Образ авантюриста, удачливого плута, равно как и сам «плутуловский роман» возникли на самой заре буржуазного общества. При этом «плут» — будь то плут из романа «Ласарильо с Торреса» или плуты из произведения Лесажа, Дефо или Филдинг — имел весьма стойкие, если можно так выразиться, «розовые черты».

Но герои «розового романа» не носят в себе ни черт разложения общества, ни той полной моральной деградации, которая характерна для Крулля. Наоборот, в какой-то степени они олицетворяют собой натиски новых общественных сил на феодальные основы общества.

Плутуловский герой Томаса Манна — это «плут» умирающего общества.

Однако было бы наивно полагать, что Манн поставил в центр своего труда простого авантюриста только для того, чтобы показать, насколько опустошенным, насколько безразличным стал этот образ

за годы существования буржуазного общества. Роман «Крулля» многопланов, многопланов и образ Крулля.

Говоря о замысле этой своей книги, Томас Манн неоднократно подчеркивал, что в «Крулле» он хотел показать метаморфозу идеи искусства в современном мире, или, иначе говоря, глубокий процесс разложения искусства в буржуазном обществе. При этом характерно, что идею искусства Манн персонафицирует не в образе художника, поэта или музыканта, а в образе плута, абсолютно аморального авантюриста, все время меняющего свой облик.

Так, вынеся приговор буржуазному обществу, Томас Манн выносит приговор и аморальному буржуазному искусству. В мире, которым правят бездумные кулаки, лишены души и искусство.

Замысел «Крулля» не случайно томил Томаса Манна целых три с лишним десятилетия. Этот замысел неразрывно связан с делом всей жизни писателя — с развенчанием того общества, которое сам Манн обозначил как «бюргерское». И не случайно Манн снова выдвигает, что плут, чтобы закончить «Крулля» только накануне смерти. Можно с полным правом утверждать, что роман о «Крулле» — это не только хронологически последнее произведение Манна, но одно из завершающих звеньев всего его творчества. За плечами писателя, когда он взялся за окончание романа, были две кровавые войны, унесшие миллионы человеческих жизней. Он был свидетелем самого страшного продукта распада западной цивилизации, — гитлеровского варварства. Весь этот исторический опыт побуждал писателя для того, чтобы произвел свой окончательный расчет с буржуазным миром, для того, чтобы вынести ему обвинительный приговор.

В той «человеческой комедии», которую Манн создавал на протяжении своей жизни, — роман о Крулле занимает важное место. И по своим стилистическим особенностям этот роман очень важен для творчества Манна.

В одной из публицистических работ Томаса Манна содержится фраза, которая является своеобразным ключом к тому литературному приему, с помощью которого создан «Крулля». Томас Манн пишет: «В области стилистики я знаю, по сути дела, лишь пародию...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на мемуары Гете, и на всю вообще мемуарную литературу XIX века. «Крулля» пародирует от первой до последней страницы. Уже самая идея романа, стилистический прием, по сути дела, — это пародия...». Как явствует из контекста, а также из других теоретических работ Манна, под словом «пародия» писатель понимал стилистическое «спаривание» изображение людей и общественных явлений. Элементы сатиры содержатся во всех крупных произведениях Манна, начиная от «Буденброков» и «Волшебной горы».

Однако ни к какому другому произведению писателя не относятся эти слова Манна в такой степени, как к «Крулле». Сам Манн писал, что «Крулля» — это пародия и на «Манон Леско», и на м